

мас. 1303

ИЗЪ МОСКВЫ.

Очерки и снимки.

Невыносимо скучно становится порой жить на свѣтѣ...

Потому ли, что значительная часть нашихъ интеллигентовъ по свѣту рыщетъ, дѣла себѣ исполнскаго ищетъ, потому ли, что жизнь наша заключилась въ такія узкія рамки, что широкой русской натурѣ дѣйствительно негдѣ разгуляться и она мечется въ тоскѣ безисходной, бросаясь отъ одной стѣны къ другой, потому ли, наконецъ, что лишь у немногихъ изъ насъ ищется истинная почвенная закуска и, благодаря этому, мы не умѣемъ удовлетворяться дѣятельностью въ маленькомъ окружающемъ насъ муравейникѣ—кто сможетъ отвѣтить съ полной определенностью на эти вопросы?—по фактъ на лицо: скучно или по новой орфографіи, «скушно» жить на свѣтѣ... Вотъ, почему наша публика несомнѣнно заинтересовалась и должна была заинтересоваться воспроизведеніемъ на сценѣ самой настоящей «повзѣи скуки»—я разуюлю постановку въ художественно-общедоступномъ театрѣ новаго для насъ произведенія Антона Чехова «Дядя Ваня».

Своеобразность дарованія А. П. Чехова, какъ драматурга, заключается, какъ мнѣ кажется, именно въ томъ, что онъ, вопреки обычной драматургической манерѣ, изображаетъ на сценѣ не исключительныя явленія, не исключительныя образы, а самые ходячіе, самые человѣческіе будни съ заурядными фигурками и съ заурядными фактами. Нигдѣ, кажется, по такой степени ясно не обнаруживается ниросомерцаніе Чехова, какъ, именно, въ его драматическихъ произведеніяхъ, въ которыхъ онъ порой наступаютъ безнадѣжныя несмѣнносты, давленія, могутъ быть, отъ философскаго отчаянія, но, такъ не можетъ, глубоко разочарованности въ смыслѣ и въ радости быденнаго существованія. Когда я присутствую на представленіяхъ Чеховскихъ пьесъ, душа моя переполняется скорбью не за дѣйствующихъ лицъ произведенія, а за самого автора: до слезъ становится жалъ его, измученнаго, покинутому, въ безотрадной нужности существованія, утраченнаго даже надѣяннаго зѣру въ возможность, хотя бы нѣ-

котораго просвѣта среди тумана и сладкоги окружающей жизни.

Въ одномъ изъ антрактовъ второго представленія «Дяди Вани» и столкнулся въ фойе съ извѣстнымъ драматургомъ, написавшимъ целый рядъ пьесъ, нѣкоторые изъ которыхъ имѣли очень большой успѣхъ и удостоивались даже премій. Драматургъ былъ серьезно возмущенъ. Казалось, Чеховская пьеса поднимала въ немъ желчь, потревоживъ существовавшія основы его драматургическаго символа вѣры... Весь складъ его воззрѣній разомъ нарушался и пріемани г. Чехова, и тею его, и, наконецъ, несомнѣннымъ успѣхомъ произведенія въ публикѣ.

—Что же это такое?—спрашивалъ онъ меня, сжимая кулаки и сверкая взглядомъ:—до чего мы дожили и куда мы идемъ?.. Я не спорю, пьеса написана, дѣйствительно, талантливо и нѣкоторые сцены поражаютъ захватывающимъ мастерствомъ. Но смыслъ, смыслъ то этой работы въ чемъ—объясните мнѣ, ради Бога!.. Можно ли въ центрѣ произведенія для сцены ставить такую ничтожную и неинтересную фигуру, какъ дядя Ваня? Кому онъ нуженъ, и кому онъ занятенъ? Такии ничтожествами хорошо мостовую мостить, хорошо употреблять ихъ въ качествѣ свай, но дѣлать ихъ героями драматическихъ произведеній—шумите, да вѣдь это значить лишать театръ всякаго смысла и значенія, значить, при помощи блеска личнаго дарованія, сибѣться надъ зрителемъ, глумиться надъ театромъ!..

Я вступилъ въ споръ съ драматургомъ: по моему мнѣнію, онъ былъ неправъ въ самомъ своемъ основаніи, въ исходной точкѣ своего взгляда. Онъ судилъ о произведеніи А. П. Чехова, объ этой пьесѣ «Дядя Ваня», какъ судили года два тому назадъ о «Чайкѣ», съ такимъ трескомъ провалившейся у васъ въ Петербургѣ и нѣвшей громадный успѣхъ на сценѣ нашего Художественнаго театра. Дѣло въ томъ, что А. П. Чеховъ несомнѣнно пришелъ на сцену съ «новымъ словомъ», котораго давно и тѣтено разыскивали многие изъ нашихъ современныхъ драматурговъ. Я оставляю здѣсь въ сторонѣ, хорошо или худо это Чеховское «новое слово», я утверждаю лишь, что оно нѣтъ произнесено. И думаю, что нисколько не ошибусь, сказавъ, что суть этого слова заключается въ поэтическомъ символизмѣ произведеній. Какъ драматургъ, Чеховъ несомнѣнно символистъ и даже ниррессионистъ, если

Из Москвы
перши
и стилист.

хотите. И потому его драматический произведение не могут и не должны рассматриваться съ традиционных точек зрѣнія. Для новаго слова и новыхъ формъ необходимы и новыя опредѣленія. До послѣдняго времени драматурги всѣхъ странъ и эпохъ писали для сцены драмы, комедіи, водевили. Для этихъ писаній имѣлись опредѣленные формы, опредѣленные требованія, имѣлась, назвавшаяся незыблемой, традиція. И замѣтите: ни въ одной области искусства традиція не держится такъ настойчиво и упрямо, какъ, именно, въ области театра. Вѣдь, драматургамъ потребовались вѣка для того, чтобы выйти изъ узкихъ рамокъ единства времени и мѣста... Мы несомнѣнно присутствуемъ и нынѣ при борьбѣ новаго направленія драматическаго творчества съ давно установившимися формами, и Антонъ Чеховъ идетъ во главѣ движенія.

Оговариваюсь: я не вхожу, да и не могу входить въ данный случай въ оцѣнку самаго движенія и тѣхъ новыхъ формъ, которыя оно рождаетъ. Для этого было бы слишкомъ недостаточно рамокъ одного газетнаго фельетона—въ виду этого, задача моя очень суживается и не идетъ дальше установленія самаго факта. Драматурги писали драмы, комедіи и водевили, но это было, господа, прежде—теперь обстоятельства въ значительной степени измѣнились и драматургъ, желающій сказать на сценѣ новое слово въ образѣ новой формы, пишетъ уже не драму, комедию или водевилъ, а «настроenie». Мнѣ кажется, что это наиболѣе подходящее опредѣленіе. А. П. Чеховъ назвалъ своего «Дядю Ваню» деревенскими сценами, но это опредѣленіе наименѣе удовлетворительно. Говоря по совѣсти, тутъ ровно нѣтъ никакихъ деревенскихъ сценъ. Деревня, въ данномъ случаѣ—лишь очень слабо намѣченный фонъ, на которомъ вырисовывается томная и безрадостная скука существованія зауряднаго современнаго человѣка. «Дядя Ваня», это, разумеется, не комедія, это тѣмъ болѣе и не драма, несомнѣнно это и не водевилъ,—это, именно, «встроenie въ четырехъ актахъ». И думается мнѣ, что многимъ разногласіямъ положенъ былъ бы предѣлъ, если бы г. Чехова хватило новаторской храбрости настолько, чтобы на афишѣ такъ-таки прямо, en toutes lettres, и напечатать: «Дядя Ваня—настроenie, моль, въ четырехъ актахъ».

Если же задачей драматурга является не коллія драматическихъ и комическихъ по-

женій, а передача зрителю извѣстнаго рода вѣстроенія, то не можетъ быть вопроса и о запеченіи фигуры, поставленной въ центрѣ произведенія. Тутъ, вообще, отдѣльные образы и даже взаимныя отношенія въ значительной мѣрѣ ступеневываются—на первомъ планѣ общій мелодіи существованія если можно такъ выразиться, тотъ своеобразный «лейт-мотивъ», который звучитъ, доминируетъ во всей ихъ жизни, и является по мысли автора торжествующимъ мотивомъ въ современномъ существованіи вообще. Когда имѣешь дѣло съ такого рода драматическимъ произведеніемъ, вопросъ о содержаніи пьесы, об «анекдотѣ» ея, какъ любить выражаться драматическихъ дѣлъ мастера, терять значительную долю смысла. Развѣ важпо содержаніе картинны импрессиониста, задавагося тѣмъ, чтобы вызвать въ зрителяхъ извѣстнаго рода настроenie? Развѣ для обычнаго слушателя, не музыканта, важна коллія бемолей и диезовъ въ такомъ музыкальномъ произведеніи, которое имѣетъ лишь одну задачу—возбужденіе въ душѣ опять-таки опредѣленнаго, хотя, можетъ быть, и смутнаго по формѣ, настроенія. То же самое можно сказать и отбисительно содержанія, а можетъ быть и отдѣльныхъ фигуръ Чеховскаго произведенія. Если въ его «Чайкѣ» нѣкоторый интересъ могутъ еще возбудить хотя бы беллетристы Тригоринъ или символисты Треневъ, то въ «Дядѣ Ванѣ» почти сплошь всѣ лица очень мало интересны. Я не скажу, чтобы «Дядя Ваня» былъ ничтожествомъ: это была бы суровая, несправедливая оцѣнка—но несомнѣнно, что онъ мало интересенъ. Нѣкоторый, впрочемъ, очень незначительный интересъ можетъ возбудить фигура доктора Астрова, но и то лишь при извѣстной натяжкѣ, при значительномъ насилиі собственнаго воображенія. Эти погибающія талантливыя натуры, засасываемыя тиной провинціальнаго существованія—Боже правый, до какой степени онѣ надобны и до какихъ размѣровъ онѣ намъ присмотрѣлись!.. И, тѣмъ не менѣе, новое драматическое произведение г. Чехова въ высокой степени интересно, даетъ блестящій матеріалъ исполнителямъ, наталкиваетъ зрителя на множество разнообразныхъ мыслей и впечатлѣній,—явленіе, вообще, чрезвычайно интересное въ литературномъ и сценическомъ отношеніяхъ. Происходитъ же это потому, что все *raison d'être* произведенія заключается, именно, въ порождаемомъ имъ настро-

Мы видим на сценѣ пѣлый рядъ «нудныхъ людей» — я употребляю слово, взятое прямо изъ текста пьесы. Этихъ господъ «лѣнь жить» — и въ этомъ вся физиономія ихъ существованія. Передъ нами разыгрывается пѣлый рядъ сценъ, въ которыхъ опредѣляется и нудность дѣйствующихъ лицъ, и то лѣнивое отношеніе ихъ къ жизни, которое является доминирующимъ элементомъ ихъ прозябанія. Авторъ свободно могъ поставить этихъ людей въ совершенно иное положеніе и въ иные отношенія, и отъ этого его произведеніе ни на югу не проиграло бы и не выиграло бы. Переищите элементы, изъ которыхъ сдѣлана пьеса, какъ хотите: пережените ихъ, рассорьте, соедините узлы дружбы — получится все одно и то же, получится впечатлѣніе невообразимой скуки, тошнотворной нудности существованія, общей для всѣхъ дѣйствующихъ лицъ «лѣнь жить». А. П. Чеховъ уловилъ способъ великолепно передавать облюбованное имъ настроеніе зрителямъ театра и достигаетъ намѣченной себѣ задачи съ высокимъ совершенствомъ. Когда падаетъ послѣдній занавѣсъ, публика остается въ состояніи глубоко удрученномъ. Скука жизни овладѣваетъ ею безраздѣльно, и даже заключительныя слова одного изъ дѣйствующихъ лицъ «настроенія въ четырехъ актахъ», говорящаго о томъ, что просвѣтъ можетъ и долженъ наступить за гранью земного существованія, не приносятъ зрителю облегченія...

Новые драматургическіе приемы должны были породить и новые способы воплощенія драматическаго произведенія на сценѣ. Въ этомъ отношеніи у насъ точно также сказано «новое слово» и честь его произнесенія несомнѣнно принадлежитъ молодому художественно-общедоступному театру. Безъ малѣйшаго преувеличенія я могу сказать, что, присутствуя на представленіи «Дяди Вани», испытываешь дѣйствительно громадное эстетическое наслажденіе, именно, потому, что в теченіи четырехъ часовъ пребываешь въ чистой «литературной» атмосферѣ, дышишь «литературнымъ» воздухомъ... Я употребляю слово «литературный» въ томъ смыслѣ, какъ употребляется слово «музыкальный». «Дядя Ваня» исполняется на сценѣ у насъ, именно, литературно, то есть съ глубокимъ и трогательнымъ пониманіемъ истиннаго смысла, художественнаго значенія и особенности произведенія. Художественный талантъ автора, можетъ быть, и

удалившись на пѣсколько исключительный путь, но, тѣмъ не менѣе, прекрасно осуществляющаго свою задачу, соединился тутъ съ художественнымъ талантомъ режиссера, и это единеніе создало нѣчто во-истину прекрасное и сильное, нѣчто такое, передъ литературностью чего невольно должны преклониться даже наиболѣе отчаянные враги «направленія пастроеній».

На меня лично тщательная и заботливая постановка драматическаго произведенія производитъ очень сильное впечатлѣніе, главнымъ образомъ, потому, что она представляется мнѣ дѣломъ трогательнымъ. Меня поражаетъ та братская любовь, съ которой литераторъ Вл. Немировичъ-Данченко ставитъ произведенія литератора А. П. Чехова, стремясь въ тому, чтобы всѣ подробности воплощенія пьесы на сценѣ создавали звучный аккордъ, долженствующій вызвать, именно, то настроеніе, во имя котораго работаетъ авторъ. Эта трогательная заботливость литератора-режиссера по отношенію къ литератору-автору сказала уже и въ прошломъ году при постановкѣ «Чайки» — теперь она выступаетъ еще ярче и опредѣленнѣе при постановкѣ «Дяди Вани». Слушайте и судите сами.

Общій тонъ исполненія, тотъ темпъ, въ которомъ оно ведется, правильное раздѣленіе паузъ, блестящее распредѣленіе ролей, колоссальная работа по ихъ разработкѣ, работа, въ которой одинаково участвовали и отдѣльные исполнители и режиссеръ, и, наконецъ, удивительная постановка, вполне гармонирующая со всѣмъ настроеніемъ произведенія, — все это заслуживаетъ высокой, восторженной похвалы. Мало того: это заслуживаетъ глубокаго удивленія. Мнѣ приходилось уже въ прошломъ году писать, какъ исполняется у насъ «Чайка», и теперь — я не буду повторяться: «Дядя Ваня» ведется въ томъ-же темпѣ, причѣмъ, однако, тутъ чаще, чѣмъ въ «Чайкѣ», проступаютъ красочныя мѣста, великолепно оттъняемыя, именно, измѣненіями въ темпѣ. Пьеса разыгрывается точно «по нотамъ», подчиняясь вдохновенному движенію дирижерской палочки. Въ общемъ, получается нѣчто удивительно прекрасное, хотя, можетъ быть, далеко не всѣмъ доступное, а для многихъ и утомятельное. Какъ дѣйствующія лица произведенія, такъ и его тѣлесное воплощеніе на сценѣ могутъ показаться очень и очень многимъ утомятельно скучными. Нудность — отличительная черта

Подпись
Н. Рок

исполнения, как и характернейшая особенность действующих лиц произведения. Стоит, однако, взглянуть в самый смысл того, что написал Чехов, стоит проникнуться настроением его и тогда станет совершенно очевидно, что темп и тон воплощения пьесы на сцене не могут быть иными, ибо в противном случае получился бы тот диссонанс, который оказался при петербургской постановке «Чайки» и который привел к провалу этого, в сущности, замечательного произведения.

Последняя пьеса Чехова, кроме того, дает значительный простор для режиссерской работы в сфере внешней обстановки. И я утверждаю, что тут художественное чутье режиссера сказалось с особенной силой. Постановка является стильной, в самом точном значении слова — все в ней строго обдумано и строго соответствует настроению пьесы. Декорации второго, третьего и четвертого актов в этом отношении безподобны: и столовая с узкой и прямой лестницей в антресоли, и деревенский зал с круглыми колоннами и хорами, с мебелью из корельской березы и бѣлыми стенами, от которых вѣет холодом безысходной скуки, и комната — одна из немногих, действительно, жилых комнат барского дома — комната дяди Вани, с различными закоулками, загроможденная мебелью, с пылящейся выпачканной печью, маленькими окнами, низким потолком и стрекочущим за печкой сверчком, — все это воистину великолепно и производит впечатление, вполне соответствующее тому, которое должна производить пьеса.

Особенно, мне кажется, удивительно задумана, именно, обстановка последнего акта. Скучная, чуждая надежды на будущее, заглушавшая жизнь дяди Вани и его вѣрной спутницы — бѣдной Соны, точно также утратившей всякую надежду на счастье, должна протекать, именно, в таком неуютном, как будто бы уютном, но безысходно нудном склепе, какими являются апартаменты героя пьесы... Я думаю, что, именно, благодаря внешней обстановке этого акта, зритель особенно ощущает ужас того безконечного и тоскливого существования, которое предстоит главным действующим лицам произведения, остающимся доживать свой вѣкъ среди обстановки, точно аккомпанирующей их душевному настроению. Зритель чувствует себя подавленным и гнетым, что

происходит на сцене, и ее обстановкой, — а когда момент естественного отплевывания происходит, он с воодушевлением аплодирует и исполнителям и режиссеру, охваченный попойкой благодарностью за навѣянные чувства и мысли...

Последние строки фельетона мне не хочется удѣлять каким-либо вопросам, чуждым театру — кстати, пишется еще кое-что в этой области, о чем необходимо упомянуть. На прошлой недѣль в Малом театре должен был состояться бенефис г. Рыбакова, который ставит новую пьесу князя А. И. Сумбатова-Южина «Закатъ». Должен был состояться, но не состоялся, как вы уже знаете, по болѣзни автора пьесы, исполняющего в ней одну изъ первых ролей. Не состоялся бенефис на прошлой недѣль — не беда, он состоится на текущей. И дѣло не в этом. Хуже то, что, благодаря гастрольной системѣ Малаго театра, внезапная болѣзань г. Южина сразу испортила весь репертуаръ. И одно время режиссерское управление рѣшительно не знало, что оно может поставить... Это очень хорошее предупреждение, о котором слѣдует подумать.

Въ «Интернациональномъ» театре у насъ начались гастроли г. Мунэ-Сюлли. Прекрасный артист, вѣсколько лѣтъ тому назад у насъ имѣвшій громадный успѣхъ и въ настоящее время явившійся съ нѣсколькими новыми ролями, увы, играетъ при театре, далеко неполномъ. Отчего это происходитъ — я не знаю. Что г. Мунэ-Сюлли артистъ замѣчательный и чрезвычайно интересный — это вѣтъ сомнѣнія. Что Москва умѣетъ цѣнить и очень отзывчива къ выдающимся артистическимъ дарованиямъ Европы — это точно также не подлежитъ спору. И, тѣмъ не менѣе... Москва, вообще, городъ очень капризный, и иногда рѣшительно не понимаетъ, что ему нужно. Знаменитому артисту Франци оставается надеяться, что Москва расшевелится къ концу его гастрольныхъ спектаклей и что вашъ Петербургъ окажетъ ему большее гостепріимство, чѣмъ пресловутая гостепріимная первопрестольная столица Россіи...

Н. Рогъ.

< Н. О. Ракшанин >